

ВПЕРЕДИ — ОТКРЫТАЯ ДОРОГА!

Наталия Крофтс

Читателю «Австралийской мозаики» уже знакомо имя Наталии Крофтс. Но хотя я отношусь к восторженным статьям осторожно, предстаю Наташу аудитории альманаха на этих страницах почтительно и естественно для меня. Прилагаю её впечатляющее резюме:

«Наталия Крофтс. Поэт, переводчик, бродяга, побывавшая в пятидесяти странах и жившая в семи, от Америки до Австралии... А также главный редактор литературной газеты „Интеллигент. Санкт-Петербург“, член редколлегии поэтического альманаха „45-я параллель“

Родилась в г. Херсоне (Украина). Окончила МГУ им. Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. С 16-ти лет стала писать стихи; на сегодняшний день её работы опубликованы в семи странах на трёх языках. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе, „Вице-королева поэтического перевода“ (турнир „Пушкин в Британии-2011“), бронзовый лауреат конкурса „Музыка перевода-II, 2010“. Наталия пишет на русском и английском: она автор многочисленных публикаций в русских периодических изданиях („День и ночь“, „Юность“, „Слово\Word“, „Австралийская мозаика“ и мн. др.), её последний поэтический

сборник „Осколки“ вошёл в коллекции отделений славистики университетов Оксфорда и Кембриджа. Английские стихи Наталии были опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях („Speaking of Love“, „The Colour of War“, etc.)».

Сколько достижений, а ведь впереди — открытая дорога, новые впечатления, новые стихи и повести, годы дальнейшего роста талантливого поэта! К тому же, Наташа заряжена необыкновенной энергией, что ощущают все её друзья и коллеги.

Я впервые встретила Наташу на одном из заседаний русско-английских и англо-русских переводчиков. Наташа читала переводы стихов Венди Коуп. Переводы прекрасные! Кстати, творчество Венди Коуп близко Наташе — та же лёгкость слога, тот же юмор с хитринкой (кстати, Наташины переводы стихов Венди Коуп были опубликованы в № 23 «АМ»). Наша встреча вскоре переросла в дружбу.

Когда я лежала в больнице, Наташа меня навещала и всегда приносила книги стихов, как собственных, так и любимых авторов, и столики подборок. Так я близко познакомилась с Наташиним творчеством, начиная с юных стихов, изданных друзьями после Наташного отъезда из Херсона, и с постепенно углублявшимися произведениями. Наташины стихи обогащены путешествиями, встречами, университетской жизнью в Оксфорде.

Как хорошо, что жизнь в Австралии пополнилась работой молодых одарённых русскоязычных поэтов и писателей. Как нам этого не хватало! Русская литературная ассоциация «Антиподы», созданная Татьяной Бонч-Осмоловской, наладила первую живую связь с Россией. Наташе удается помещать работы местных литераторов в русских изданиях. И Татьяна Торлина, создательница альманаха «Австралийская мозаика», постоянно знакомящая русского читателя с австралийским литературным, историческим, географическим и прочим «пейзажем» и с русскоязычными писателями, не снимает пальца с пульса проходящего. Следует пожелать всем молодым талантам много лет продуктивной работы. Роста и роста в поэзии и прозе. А нашей медалистке, не собирающейся почивать на лаврах, дальнейших успехов!

Нора Крук, Сидней, 2011 г.

Подробнее с разными аспектами творчества Наталии Крофтс можно познакомиться на сайте www.artkavun.kherson.ua/natalia_croftes.htm.

НАТАЛЬЯ КРОФТС

СТИХОТВОРЕНИЯ

***

Вот две строки — от жизни до забвенья.
Штрихи к судьбе. Случайные штрихи.
И некого просить благословенья.
И всё ж: «Благослови мои стихи».

ДУБАЙ

Некоторые считают, что воды Персидского залива накрыли осквернённый Рай.
Песок и деньги. Деньги и песок.
Картина умирающего мира.
Глядят портреты строгие эмира
На Западом залапанный Восток.

Бетон и стройки. Стойки и бетон.
Армани, Гуччи, скидки, распродажи.
Возводятся бездушные пейзажи
Под тон песка — под монотонный тон.

И все мы здесь на миг, не на года —
Конквистадоры новых территорий.
Мы все уйдём. Здесь вечно — только море.
И смоет всё когда-нибудь вода¹.

ОМАН². СТРАНА СИНБАДА-МОРЕХОДА

Земле Синбада-морехода и моим друзьям-оманцам, изумительно тёплым людям
Мирож Омана...
Как заволакивает горизонт песок...
Восток.
Кальяна дымный шепоток.
И запах яблок, пыли и обмана...
Нет — не обмана. Сказок и преданий,
Что выются, как дымок, меж старых зданий,
Чаруют, кружат — за витком виток.
Нашепчут про Синбада-морехода
Про чудеса далёкого похода —
Слова тебя заверят, как поток...
Оман.
Кальяна дымный шепоток.
Дурман.
И дым тягучий — за витком виток.
Обман —
Что непонятен и жесток Восток.

ПИСЬМА С МЁРТВОГО МОРЯ

Хочешь, я привезу тебе соль из далёкого моря?
Белоснежно-сверкающий, твёрдый, искристый
кристалл.

Он впитал
Столько слёз и веков, столько воли и боли...
Даже доли солёной той соли
Ты в Европе, поверь, дорогой, никогда б
не сыскал.

Я её соскребу с валуна возле Мёртвого моря,
Где на вязкой воде — столько лет! — Иисуса
следы.

Чувство лёгкости — не утонуть! —
Чувство смерти и горя,
И содомову муть,
И предчувствие, где-то под боком, беды —
Всё впитала в себя эта соль. А тебе стоит только
кинуть —

Привезу я в подарок плоды
Этой вязкой воды.
Хочешь, я привезу тебе древний светильник
из Петры?

Освещал он палаты царей или плечи цариц.
Здесь теперь — только замки в скале, что
взлетают на многие метры,

Выше птиц,
И за ними летишь — каждым взмахом ресниц.
Я б хотела любовь привезти. Ты такую
не сышешь.

Я её просолила на спинах пяти континентов,
на вечных ветрах,

И в скалистых горах,
Где лишь ветер отчаянно свищет.
А ещё просолила её я в своих нескончаемо-
грустных стихах.

Привезу я в подарок тебе — в общем, что
ни попросишь...

Вот — Жар-птицы перо, или — шёлк,
о котором мечтала Ассоль.
Я б хотела любовь привезти, но её —
поиграешь и бросишь.

Ну, а соль... Пригодится.
С тобою останется
Белая соль.

¹ Для приидир: портреты, конечно же, шейха, а не эмира (хоть они и Эмираты)... Но сути дела это, по-моему, не меняет (прим. автора).

² В слове «Оман» ударение падает на второй слог.

АРАБЕСКА

На беду, на беду — не иначе —
Завилась, как змейныш, стезя...
Я лицо под покровами прячу —
Мне любить чужеземцев нельзя.

Твой скакун набирается силы,
Скарб уложен, рубахи чисты...
Мой единственный, суженый, милый,
Я узнала тебя. Это — Ты.

По стезе, по дорожным каменьям
Я иду меж утёсов и скал.
Вопреки всем небесным знаменьям
Ты меня в темноте отыскал.

Вопреки всем небесным устоям
Ты чадру отведёшь от лица...
Мы заплатим — слезами и стоном —
За любовь. За начало конца.

На беду, на беду — не иначе...
Ты уходишь. Приходит беда.
Под чадрою я чёрною плачу.
Я теряю тебя. Навсегда.

МОЯ ОДИССЕЯ

Рассеян по миру, по морю рассеян
Мой путаный призрачный след.
И длится, и длится моя Одиссея
Уж многое множество лет.

Ну что, Одиссей, поплыvём на Итаку —
На север, на запад, на юг?
Нам, в общем, с тобою не в новость —
не так ли? —
За кругом наматывать круг...

И знать наперёд, что по волнам рассеян
Наш жизненный путаный путь...
Слукавил поэт — и домой Одиссея
Уже никогда не вернуть.

«НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ», ИЛИ «О ГЕНАХ»

Знать — судьба. Не уйти. Губы с дрожью
прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо. И беда понесётся вразнос.
Волокут. Кровь — на белом снегу. Крики ужаса.
Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы
крови да слёз!»

Видно, гены у нас — от лихого, шального
смутьяна.
Что-то тихо? Вставай! Сочинить ли со скуки
донос?
Кто наврал, что у нас благодать, мол, нужна,
и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови
да слёз!

И уютно живя у лазурных дверей океана
В жилах чую метель, да пургу, да ядрёный
мороз.
Бунты. Кровь. Топоры. Да на рельсы опустится
Анна.
«Нам бы крови да слёз, — я шепчу. — Нам бы
крови да слёз».

Я ВЕРНУСЬ. ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕР...

На развалинах Трои лежу, недвижим...

Юрий Левитанский. «Эволюция»

*На развалинах Трои лежу в ожиданье
последней атаки.*

Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый — как тихо. И только завыли

собаки

*И пазетный листок на просохшем ветру
прошуршал.*

Может, «Таймс», может, «Правда». Уже
разбирать неохота.

*На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Что-то там Пенелопа. А может, Кассандра...*

А может...
Может, кто-нибудь мудрый когда-то за нас

подытожит —

Всё запишет, поймёт — и потреплет меня
по плечу.

А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих — тех, что Трою когда-то

отстроят,

И за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
Что возьмут на себя этот страшный,

чудовищный грех —

И пошлют умирать — нас. И вас... Как
курёнка — на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь — я не знаю кому — о конце этих

бредней.

Чтоб атака — когда-нибудь — всё-таки, стала
последней.

***
У нас с тобой — у обоих —
Похоже, выключили тормоза,

И мы несёмся по плоскости,
За

Которой —
Что-то такое, отчего под ребром саднит —

То ли от страха,
То ли от усердия

Ревностных Аонид...
Там — я знаю,

Пропасть или провал.
Я-то там бывала. И ты бывал.

Упадёшь... И крышка, И не достать.
Что ж нам остаётся? Только научиться летать.

Таврии, земле Херсона и Херсонеса

Черноморские дали.

Дикий храп кобылиц.

Звон отточенной стали.

Кровь.

Я падаю ниц.

И на тунике белой —

Тёмно-липкий узор.

Принимай мое тело,

Херсонесский простор.

Белокаменный град мой,

Смесь народов и вер,

Я вернусь. Я обратно

Обязательно вер...

Полонянок уводят

Босиком по стерне

На чужбину, в неволю.

Крики.

Топот коней.

Уж и ноги ослабли,

Не шагнуть мне, хоть вой.

Янычарские сабли —

Над моей головой.

Я крещусь троекратно.

Всё. Кончай, изувер...

Я вернусь. Я обратно

Обязательно вер...

Вот и всё. Докурили.

Чай допили. Пора.

Расставания, мили...

Может, это — игра?

Полсудьбы — на перроне.

Путь веревочкой свит.

И — без всяких ироний:

«Приезжай». — «Доживи».

О, измученный град мой,

Смесь народов и вер.

Я вернусь. Я обратно

Обязательно в-е-р...

ХЕРСОНСКАЯ ЗАРИСОВКА

Осеннний день. Репринт. Перепечатка

Прошедших лет. Жёлт плагиатор-клён.

Хоть солнечно, но ты уже в перчатках.

А под асфальтом прячется брусчатка,

Как беженка из сказочных времён.

ВЛАДИМИРСКОМУ СОБОРУ. КИЕВ

Вот он, старый вокзал.
Суматоха. И толпы у касс.
Я вернулась.
Опять.
(Александр Аркадьевич, милый,
Как это всё просто сейчас!)
В сотый раз
Слышу голос простылый,
Что поезд отправится в час
Со второго пути...
...А пока...
Пронесусь по бульварам, как смерч —
Чтоб быстрее войти
В этот храм,
Где певучая речь,
Как волна — за накатом накат,
Где лохматый стариk
Не глядит на тебя с потолка
Подожди.
Не до вас —
Он сейчас создаёт облака и века,
И дожди...
Где (уже как знакомой)
Под куполом машет Христос
И древнейший обряд
Месит кашу, заправски в душе из восторга
и слёз.
Там, где свечи горят,
В ряд
Усевшись под сенью икон.
И закон
Непреложен. Порядки прости:
Это — ты.
Это — ОН.

ОДА КОФЕМАНА

Встаёшь с утра. Без слёз и драм
Живёшь лет 30 на Голгофе.
И жизнь — игра да мишура.
А я пойду да выпью кофе.

Пусть в чувствах — полный таракан,
И пусть глумится Мефистофель,
Всё это — глупости и хлам:
Я вот пойду да выпью кофе.

А коль удастся отдохнуть
(Чтоб — дом, уют, любимый профиль),
Дай, Боже, мне ещё чуть-чуть:
Давай пойдём да выпьем кофе.

***

Я бренная пена морская...

Марина Цветаева

А под запах котлеток приходят престранные
мысли:
Что, наверное, лучше б мне быть
раздобрёвшей старухой —
Просто прясть свою пряжу, да с тряпкой
гоняться за мухой,
Печь ватрушки, полоть огород, мыть до блеска
посуду,
Тихо с дедкой ворчать, что, мол, щи абсолютно
прокисли —
От погоды, должно... И, под вечер, упившись
сивухой,
«Наблюдать горизонт» — за которым я в жизни
не буду...
Только кто-то решил — кто-то мудрый,
всесильный, степенный,
Что, наверное, лучше мне быть океанскую
пеною,
И — накатом на скалы — себя изводить
постепенно,
И уйти в глубину — там, где косятся жадно
мурены,
И мельчайшую солью устлаться по тёмному
дну.
Замереть. Замолчать. Затаиться. Забыться.
Заснуть.

ПИСЬМО

Привет. Заняться было нечем.
Тебе, конечно, не до встречи —
Вот и пишу. А больше нет
Причин писать: ни зол, ни бед
Давно мы, знаешь, не встречали,
И нас не мучают печали —
Коль есть очаг и старый плед.
Опять живём своим умишком,
Опять играем в кошки-мышки,
Хоть кошки очень измельчали...
И мышки тоже... Лунный свет
Бежит по речке до причала...
А помнишь — самое начало
И наш мечтательнейший бред
Творить, любить, оставить след,
Увидеть мир, что так прекрасен,
На восемь бед найти ответ...
И вот, исколесив всю землю,
Сижу тихонечко и дремлю...
И через призму этих лет
Ответ до омерзенья ясен
Стал повзрослевшему уму...
Он прост. Но мне он ни к чему...

ПЛЕТЕНИЕ МИРОВ

А между тем вовсю ревел прибой
И выносила песчинку за песчинкой
На побережье. Воздух был с горчинкой
От соли океанской — и от той,
Что выступала на горячей коже
В той комнате, в пылу, у нас с тобой...

А между тем вверху, на потолке,
Два существа сплелись в кровавой драме:
Металась муха в крохотном силке;
Непреклонно поводя ногами,
Паук ждал ужин в тёмном уголке
И изжирной мухе подходил кругами...

А между тем в романах, на столе,
Кого-то резво догонял Фандорин,
С соседом вновь Иван Иваныч вздорил,
И раздел, как кровь, гранатовый браслет...

А между тем извечная река
Текла сквозь наши сомкнутые руки,
Через любовь и смерть, погони, муки,
Сквозь океан, шумевший здесь века, —
И паутинки блеск у потолка.
А между тем...

***
Приходи.
Когда праздник окончен, когда ты один.
Только жуткие тени — из пыльных гардин.
Приходи.

Если в копоти твой потускневший очаг,
Если даже себе ты устал отвечать.

Приходи.
Приходи помолчать.

Приходи помолчать. И послушать дожди.
Мои пряди заснут у тебя на груди.
Приходи.

Даже если поймёшь, закрывая глаза:
Я — мираж Эвридики, ушедшей назад.
Я щепчу тебе...
Нет. Это ветер гудит.
Всё равно — приходи.
Приходи.

***

Я не хочу тебя терять.
И находить.
Нас — поминутно — усмирять
И резать нить.

Но мы сидим — и мир затих —
Глаза в глаза.
Ну, что, кто против — из двоих?
Мы оба — за.

За ярость, за угар, за круг —
Порочный — встреч.
За жажду губ — коснуться рук,
Лица и плеч.

За дар — на лезвии побыть,
У острия.
За то, чтобы слиться — и забыть,
Где ты, где я.

За дрожь, как в ломке наркоман —
От пустоты.
Мы — за обман. Самообман.
За бред мечты.

И за похмелье из — позволь! —
Вины, стыда.
За сожаления. За боль.
За миг, когда

Тебя — как бабочку на гвоздь —
Пронзит насквозь,
Что наши жизни были врозь.
И будут врозь.

Итак, опять: глаза в глаза.
(Вводи иглу!)
Мы оба за... Мы оба за...
Начнём игру.

***

Я — жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
Зачем в тиши изнеженного лета
Поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
Мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

***

Ты оставил рубаху. Наверно, чтоб было теплей
Мне в морозную ночь
(Этот город прохожих не греет).
Ты налей мне. Да нет —
Просто чаю покрепче налей.
И рассвет
Мне неловко крадётся в зрачки —
И алеет.
Повезёт? Повезёт.
До меня дотянуться легко.
Присылаешь в подарок пакет —
По мобильным частотам.
Далеко? Да плевать. И пускай далеко-далеко...
...и со злостью рассвет бьёт палящим мячом
по воротам.

СКАЗКА

Всё просто: я струилась в берегах,
А он поил печаль моим дыханьем.
В тени листвы печаль, дрожа боками,
Позвякивая сталью в удилах,
Пыталась одолеть пред миром страх...
А я себе струилась в берегах.

Всё просто: он поглаживал печаль,
Смотрел в глаза озёр моих усталых
И вспоминал, как молодцу пристало,
Озёра глаз, что жизнь умчала в даль...
И ласково поглаживал печаль.

Всё просто: я не помню, сколько лет
Его буланый пьёт мою водицу,
И путник, позабывший торопиться,
Стал частью леса, превратился в свет,
Сидит, моим дыханием согрет...
Но я уже не помню, сколько лет.

***

*Кого боги хотят погубить,
того они лишают разума*
Софокл

Боги неразумных поразят...
...В телефон я глупости шепчу.
Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
Я за сотни вёрст к тебе лечу.
Сквозь «нельзя», которое болит,
К одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
Не унять и не остановить,
Не понять запретов, не принять —
Пьём одно кипучее «любить».

...Но уводит прочь моя стезя
От тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
Веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
Падаю на остриё «нельзя»
С выси недоступного «хочу».

***

Ахейские затихли голоса.
А мы всё те же по своей основе,
И снова под луною — nihil novi:
Аптека. Ночь — и света полоса.

И будет спотыкаться почтальон —
Способствуя обману и обмену,
И снова уведут твою Елену.
Не за моря — в другой микрорайон.

Всё так же веселит Мадам Клико,
А ось трясут периоды исходов.
Меняются модели пароходов,
А до Итаки так же далеко.

И так же мы бредём по пустырям,
Ослепшие — до одури — Гомеры.
Всё те же ритмы, рифмы и размеры
Гоняя по неведомым морям...
Всё так же мы бредём по пустырям.